

Первая мировая война в публицистике Федора Сологуба

В марте 1917 г., вспоминая август 1914-го, Федор Сологуб писал в «Биржевых ведомостях»: «Так взволнована была Россия в начале войны, взволнована, как теперь это становится понятно, смутным предчувствием того, что из зла выйдет благо, и что война приведет к светлому преображению жизни русской и жизни всемирной. Россия приняла войну. Вместе с Россией и мы, поэты-символисты, приняли эту войну. Но приняли не в грубо прямолинейном смысле, не как массовое самоистребление, не как хищнический набег или захват чужого, но в совершенно ином представлении, которое согласуется со всем общим нашим мироприятием. (...) все же мы ждем от войны еще и еще чудес, ждем совершенного преобразования нашего косного, застоявшегося быта»¹.

Слова, прозвучавшие с газетной полосы в первые дни Февральской революции, передают основной пафос публицистической деятельности Сологуба в годы Первой мировой войны, вводят в круг его настроений — с определяющей доминантой: «Принятие войны как всенародного подвига, поднимающего дух нации на небывалую высоту»².

Война застала его на распутье: к 1914 г. все наиболее крупные художественные замыслы довоенного времени были воплощены. Роман «Творимая легенда», над которым он работал более семи лет, печатавшийся под заглавием «Навыи Чары» в альманахах «Шиповника» (1907–1909) и сборниках «Земля» (1912–1913), в новой редакции должен был увенчать издание двадцатитомного собрания сочинений (СПб.: Сирин, 1914. Т. 18–20). Затянутый совместно с Ан. Чеботаревской «журнал свободной мысли» — «Дневники писателей» (1914), с которым супруги связывали ближайшие литературные планы, был прекращен по выходе сдвоенного третьего выпуска (№ 3–4, май–июнь), в связи с финансовыми и издательскими сложностями, обозначившимися летом 1914 г.

Всегда сторонившийся публичности, с началом войны писатель вовлекается в общественную жизнь: вместе с Ан. Чеботаревской они выступили одними из инициаторов создания «Русского общества по изучению еврейской жизни», совместно с Л. Андреевым и М. Горьким (Сологуб был одним из редакторов сборника статей и материалов по еврейскому вопросу «Щит», 1915)³; учредителями художественного общества «Искусство для всех» (1915,

¹ Сологуб Ф. Дерзание до конца // Бирж. вед. 1917. № 16138 (16 марта). Утр. вып. С. 5 (совместно с Ан. Чеботаревской). Далее цитаты из статей, включенных в настоящее издание, приводятся без отсылок, сведения о публикации сообщаются в разделе «Комментарии».

² Там же.

³ См.: Кельнер В.Е. Очерки по истории русско-еврейской жизни в России в начале XX в. СПб., 2003. С. 97–112; Соболев А.Л. Cum scuto: Вячеслав Иванов — участник сборника «Щит» // Donum Homini Universalis: Сб. ст. в честь 70-летия Н.В. Котрелёва. М., 2011. С. 327–358.

цель: «распространение искусства в широких массах»); организаторами и участниками вечеров в пользу раненых и военнопленных («Писатели — воинам»¹ и мн. др.); имена супругов упоминаются в газетных репортажах в связи с благотворительными акциями — организацией Общества писателей для помощи жертвам войны, открытием лазарета деятелей искусства, лазарета Вольного экономического общества² и т. д. Литературная деятельность также протекала под знаком военного времени: совместно ими были подготовлены и выпущены в свет составленные Чеботаревской (с предисловиями Сологуба) патриотические сборники «Россия в родных песнях» (Пг., 1915) и «Война в русской поэзии» (Пг., 1915); ею были написаны тезисы лекции «Россия в мечтах и ожиданиях»³, которую во время лекционных турне по России Сологуб прочел в 39 городах (1915–1916).

За годы совместной жизни у писательской четы сложились общие критерии в оценке культурных и общественно-политических событий, единый стиль литературного поведения, что выразилось в теснейшем сотрудничестве, в том числе и в газете. Во время войны они совместно написали целый ряд публицистических и литературно-критических статей, которые, однако, вошли в читательское сознание как статьи Сологуба. Впрочем, в совместных творческих начинаниях последнюю точку всегда ставил он, даже если его авторство или участие выражалось лишь в общем идейном или редакторском плане.

В 1914–1918 гг. Сологуб опубликовал десятки разножанровых текстов по вопросам общественно-политической жизни (статьи, очерки, путевые заметки, некрологи, письма в редакцию)⁴; по своей проблематике они плотно впаяны в публицистический контекст эпохи и в контекст его собственного художественного творчества⁵.

¹ См., например, письмо от Комитета лазарета деятелей искусства в газ. «День»: «Позвольте через посредство газеты сообщить, что устроенный А.Н. Чеботаревской 25 января в зале гор. думы вечер “Писатели — воинам” дал 985 рублей дохода и за вычетом 110 руб. расходов — 875 руб. чистого дохода, переданных в распоряжение лазарета деятелей искусства, за что комитет лазарета приносит благодарность организаторнице и участникам вечера» (День. 1915. № 37, 8 февр.); в вечере участвовали: А. Ахматова, А. Блок, О. Мандельштам, И. Северянин, Ф. Сологуб, Тэффи, Е. Чириков и др.

² Сообщения опубл.: Помощь писателей жертвам войны // День. 1914. № 324 (28 нояб.); Общество писателей для помощи жертвам войны // Речь. 1914. № 322 (28 нояб.); Открытие лазарета деятелей искусства // Петроградский курьер. 1914. № 287 (10 нояб.); Лазарет Вольного экономического общества // День. 1914. № 199 (3 нояб.); Поэты — воинам // Бирж. вед. 1915. № 14751 (29 марта).

³ Сологуб Ф. Россия в мечтах и ожиданиях // Вечерний курьер. 1915. № 434 (8 нояб.). С. 3.

⁴ Публицистика Сологуба эпохи Первой мировой войны в некоторых аспектах преемственна по отношению к газетному циклу периода Русско-японской войны (1904–1905). Этой теме посвящена статья Д.В. Верташова «Две войны в газетной публицистике Ф. Сологуба» (Русская публицистика и периодика Первой мировой войны: Политика и поэтика. М., 2013. С. 235–242).

⁵ Художественная продукция Сологуба периода Первой мировой войны была многообразна и всецело отвечала его публицистическим установкам: рассказы, стихотворения, драматические произведения; отдельно были изданы сборник стихотворений «Война» (Пг., 1915); сборник рассказов «Ярый год» (М., 1916); «Проводы. Драматический этюд» (СПб., 1914); «Камень, брошенный в воду. (Семья Воронцовых): Драматические сцены в 4-х действиях» (Пг., 1915; совместно с Ан. Чеботаревской). В критической печати эти произведения получили преимущественно отрицательные отзывы (см., например: *Ожигов А. Ашеилов Н.П.* О беллетристической мобилизации // Современный мир. 1915. № 9. Отд. 2. С. 122–134; *Гиттус* 3. Раненая муза // Голос жизни. 1915. № 24. С. 1–2; *Колтоновская Е.* Военные рассказы // Речь. 1915. № 162 (15 июня). С. 3; *Неведомский М. «Миклашевский М.П.»* Что случилось с нашей литературой: (О поэзии и прозе наших дней) // Современник. 1915. № 5. С. 253–279; *Измайлов А.* Литература и драма // Бирж. вед. 1915. № 14972 (18 июля). Веч. вып. С. 4). Полемический отзыв: *Чеботаревская Ан.* В защиту «военной» литературы // Бирж. вед. 1915. № 15249 (4 дек.). Утр. вып. С. 2.

В совокупности все эти произведения фиксируют восприятие Сологубом народной трагедии, его гражданскую позицию (последовательный оборонец), геополитические взгляды (сторонник панславизма); отношение к событиям на фронте и проблемам тыла, действиям царского и затем Временного правительства, государственной экономической программе; свидетельствуют о постепенном сдвиге в ориентации, характерном для либеральной части общества¹, — от неославянофильства и панславизма в 1914–1915 гг. в сторону европеизма в конце 1916 г.

Следует заметить, что по своей культурной ориентации Сологуб всегда тяготел к западничеству, его славянофильство 1914–1915 гг. было прежде всего реакцией на начавшуюся войну и изменившийся в Европе политический климат.

В феврале 1913 г. в интервью, данном газете «Славянин», отвечая на вопрос корреспондента о задачах славянства, писатель со всей категоричностью заявил: «Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно знать, чего, собственно, вы хотите от славянства? Если вы преследуете цель политического объединения славянских государств, то где у вас данные, что они тяготеют к России? Вы ссылаетесь на то, что у всех славянских народов существуют газеты и организации, посвященные вопросам славянского объединения. Но много ли членов насчитывают такие организации? Если даже предположить, что в Болгарии имеется организация с 5000 членами, то при 4 миллионах населения — это капля в море и на это можно смотреть только как на фронт-дерство против Фердинанда. И это движение не может считаться серьезным. П.Н. Милоков жил в Болгарии, был там профессором, следовательно, знаком с общественными движениями Болгарии, но нигде не упоминает о “тяготении” Болгарии к России. То же можно сказать и о других славянских народах.

Если же вы хотите не политического, а культурного и экономического единения, то где же здесь общность славянских интересов? Их нет! Что общего имеют, например, хорваты и чехи с русскими и болгарями? И вера, и обычаи, и даже язык резко отличаются друг от друга... И потому я не понимаю, чего хотят от славян русские... Когда говорят славяне о “Великой России”, о “России Освободительнице”, — это значит, что они хотят ее подоить... А нам у славян делать нечего... Вот вы говорите о борьбе западных славян с германизмом. И пусть борются — нам-то какое дело?

И если славяне в Австрии кричат о германизации, то славяне в России (малороссы, поляки) говорят о русификации. И это непреложно: государство имеет свои, общегосударственные интересы. А все остальные славяне безусловно ближе Австрии, нежели нам. Нет, я не верю в славянофильство, ни в старое, ни в новое... Впрочем, проживем — увидим!»²

Начавшаяся Первая мировая война заставила Сологуба резко пересмотреть свое отношение к славянской идее, по-новому увидеть значение и роль России и славянских народов в политической жизни Европы. Однако реальное развитие событий на Восточном фронте в 1915–1917 гг., хозяйственная несостоятельность тыла, неудовлетворенность действиями правительства, — все это отнюдь не способствовало укреплению панславистских амбиций и идеи русского мессианизма. Возврат к европеизму для Сологуба был закономерным, более чем органичным, и необратимым.

¹ Об активизации и сосуществовании двух традиционных течений русской мысли в годы войны см.: Тихонов В.В. Европеизм и панславизм — два направления в русской научно-исторической публицистике периода Первой мировой войны // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: Политика и поэтика. С. 39–47.

² А.В.К. <Кондратьев А.В.> Мнение Ф.К. Сологуба // Славянин. 1913. № 1 (14 февр.).

В отличие от В. Брюсова, Н. Гумилева, Ф. Крюкова, В. Муйжеля, А. Толстого и др., Сологуб никогда не выезжал на боевые позиции в качестве корреспондента; ему не довелось обозревать события из-за рубежа, как находившимся в Европе П. Виноградову, М. Волошину, Н. Минскому, Б. Савинкову, И. Эренбургу, А. Яценко. Вместе с тем он живо откликнулся на все «горячие» темы современной публицистики.

Материал черпал главным образом из печатных источников, диапазон которых не поддается точному определению; в статьях прочитываются отсылки к самым разным изданиям: от книг видного немецкого публициста и политолога Пауля Рорбаха (Война и германская политика. СПб., 1915, и др.) до общественно-политических сборников, например: «Чего ждет Россия от войны» (СПб., 1915), с участием ведущих историков, экономистов, знатоков международного права, публицистов (Н.Н. Кареев, П.Н. Милюков, М.Н. Туган-Барановский, А.Н. Шингарев и др.).

Среди журналов особым доверием пользовалась «Русская мысль», имевшая наиболее представительный общественно-политический отдел; в течение ряда лет Сологуб входил в круг авторов беллетристического отдела; его отношение к войне складывалось в русле неославянофильских идей ближайших сотрудников «Русской мысли»: Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, М.О. Гершензона, С.Л. Франка.

Однако не будет преувеличением сказать, что первостепенным источником военной публицистики Сологуба была газетная периодика; его статьи часто начинаются словами «Недавно я читал...» и т. п., как бы в продолжение разговора на актуальную газетную тему; сюжеты многих заметок восходят непосредственно к столбцам хроники («Прочитал я в одной газете такое сообщение...» и т. д.).

В круг «настольных» изданий входили «Биржевые ведомости», а также: «Речь», «Утро России», «День», «Русские ведомости», «Русское слово», «Петроградский голос», «Единство». В публикациях просматриваются связи и с другими периодическими изданиями, как, например: «Петроградская газета», «Петроградский листок», «Новое время», «Новая жизнь», «Правда», «Известия Петроградского Совета солдатских и рабочих депутатов»; в летние месяцы, когда писатель выезжал на отдых под Кострому¹, в ходу была местная пресса: «Поволжский вестник», «Воля народа», «Народная свобода».

Главной журналистской площадкой для писателя были «Биржевые ведомости» (утренний выпуск по преимуществу); отдельные статьи печатались в газетах «Русские ведомости», «Утро России», «День», «Петроградский голос», еженедельниках «Театр и искусство», «Отечество» и некоторых других.

За годы войны Сологуб пережил два периода публицистической активности, оба были вызваны общественным подъемом. Подавляющее число статей актуальной проблематики он написал в 1914–1915 гг. — в первый год войны и в 1917 г. — в месяцы после Февральской революции. Длительный перерыв (с осени 1915 до осени 1916) совпал со стратегическим отступлением русской армии (Великим отступлением) и началом позиционной войны на Восточном фронте. В связи с внедрением государственной программы перевода промышленности на военные рельсы внимание писателя переключилось на хозяйственные проблемы, экономические прогнозы и тыловые сюжеты.

¹ В 1916–1921 гг. Сологуб и Ан. Чеботаревская арендовали усадьбу «Княжнино», неподалеку от волжской пристани Нагорово, в шести километрах от Костромы. В последний раз Сологуб приезжал в усадьбу летом 1922 г., после гибели жены (покончила с собой 23 сентября 1921).

В первый военный год Сологуб был сосредоточен на темах широкого общественного резонанса: восприятие великой немецкой культуры в свете германского милитаризма; акты нарушения международного права; акты вандализма и зверства над мирным населением, совершенные армией противника; особенности национального характера; демократизация российского общества; тема социального заказа и патриотизма в литературе и искусстве. Все эти темы осмыслились им в русле всеобщего диалога об историческом пути России, ее самоопределении между Востоком и Западом.

Свое видение перспектив и целей войны он сформулировал в программных статьях «Мира не будет» (30 октября 1914) и «Выбор ориентации» (14 декабря 1914): «Мы вступили в период решительной борьбы за наше национальное самоутверждение, за самое право наше на жизнь. Мы роковым образом поставлены в необходимость не только победить, но и раздавить Германию, потому что без этого нам не жить. (...) Против нашей восточной, мистической, религиозной души встала воплощенная в Германии механизованная душа, антихристианская, рационализованная по-машинному, душа без вещей ведений и прозрений, но с необычайною силою материализма, душа язычников Гёте, Канта, Ницше, и всех этих бесчисленных блестящих, но холодных умов» («Мира не будет»).

«Европейская ориентация у нас терпит кризис, — размеры которого так велики, как мы теперь только с трудом можем представить (...). Никогда, думаю я, не дойдем мы до того “культы вещей”, которым так характеризуется та же немецкая цивилизация, и никогда душу свою, Марию, не променяем на тело ее, Марфу. Мы — не Запад, и никогда Западом не будем. Мы — Восток религиозный и мистический, Восток Христа, предтечами которого были и Платон, и Будда, и Конфуций. Трагедию нашу мы должны разрешить в том, чтобы над крушением европейской ориентации вознести то новое слово, которое мы давно обещаем миру, но которое уже давно дано нам в мистическом миропостижении Востока. Довольно нам ориентироваться на Запад, пора нам найти в самих себе нашу правду и нашу свободу, опереться на исконное свое, вспомнить древние наши были, оживить в душе торжественные звоны вечевых колоколов» и т. д. («Выбор ориентации»)¹.

В определении целей и задач войны Сологуб солидаризовался с неославянофилами²; его статьи 1914–1915 гг. зачастую корреспондируют с газетными публикациями Бердяева³, а также (в меньшей степени) статьями М.О. Гершензона и В.Ф. Эрнэ. Вместе с тем свойственный его публицистике славянофильский и панславистский популизм имел параллельный, конкретный источник: в восприятии войны он ориентировался на Достоевского — на заметки о начале Русско-турецкой войны в «Дневнике писателя за 1877 г.» (апрель).

Обращение к этому тексту, вероятно, было подсказано исторической параллелью: и в 1877 и в 1914 г. Россия вступила в войну (соответственно с Османской империей и Австро-

¹ Статья Сологуба (Отечество. 1914. № 6) вызвала полемический ответ А.И. Тинякова в «пораженческом» «Голосе жизни» (1915. № 8); подробнее см.: *Богомолов Н.А.* Неосуществленный цикл О.Э.Мандельштама и журнальная полемика 1915 г. // *Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: Политика и поэтика.* С. 243–254.

² Подробно см.: *Хеллман Б.* Когда время славянофильствовало: Русские философы и Первая мировая война // *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia: Проблемы истории русской литературы начала XX века* / Под ред. Л. Бюклинг и П. Песонена. Helsinki, 1989. С. 211–239.

³ Речь идет в первую очередь о статьях Н.А. Бердяева в газете «Утро России»: «Война и возрождение» (1914. № 212, 17 авг.), «Современная Германия» (1914. № 255, 19 сент.) и др.; в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей»: «Война и национальное самосознание» (1914. № 14422, 9 сент.), «Германия, Польша и Константинополь» (1914. № 14424, 10 нояб.) и др.

Венгрией и Германией), встав на защиту братьев-славян: болгар, затем сербов. На полях книги, имевшейся в личной библиотеке Сологуба¹, на страницах с заметками «Война. Мы всех сильнее», «Не всегда война бич, а иногда и спасение», «Спасает ли пролитая кровь?» сохранились обширные владельческие пометы (они сопровождают только эти тексты) — подчеркнуты фрагменты: о необходимости освободительной войны, о значении пролития святой крови, о предназначении России в Европе, о национальном характере, о роли искусства и др.

Например: «Нам нужна эта война и самим; не для одних лишь “братьев-славян”, измученных турками, поднимаемся мы, а и для собственного спасения: война освежит воздух, которым мы дышим и в котором мы задыхаемся, сидя в немощи рабства и в духовной тесноте» (с. 110); «Нет, нам нужна война и победа. С войной и победой придет новое слово, и начнется живая жизнь, а не одна только мертвящая болтовня, как прежде, — да что как прежде, как до сих пор, господа!» (с. 112); «Подвиг самопожертвования кровью своею за все то, что мы почитаем святым, конечно, нравственнее всего буржуазного катехизиса. Подъем духа нации ради великодушной идеи — есть толчок вперед, а не озверение» (с. 115); «Спросите народ, спросите солдата: для чего они поднимаются, для чего идут и чего желают в начавшейся войне, — и все скажут вам, как один человек, что идут, чтоб Христу служить и освободить угнетенных братьев, и ни один из них не думает о захвате. Да, мы тут, именно в теперешней же войне, и докажем всю нашу идею о будущем предназначении России в Европе, именно тем и докажем, что, освободив славянские земли, не приобретем из них себе ни клочка (как мечтает уже Австрия для себя), а, напротив, будем надзирать за их согласием и оборонять их свободу и самостоятельность хотя бы от всей Европы. А если так, то идея наша свята и война наша вовсе не “вековечный и зверский инстинкт неразумных наций”, а именно первый шаг к достижению того вечного мира, в который мы имеем счастье верить, к достижению воистину международного единения и воистину человеколюбивого преуспеяния!» (с. 117); «... война есть процесс, которым именно с наименьшим пролитием крови, с наименьшей скорбью и с наименьшей тратой сил достигается международное спокойствие и вырабатываются, хоть приблизительно, сколько-нибудь нормальные отношения между нациями. (...) долгий мир зверит и ожесточает человека, а не война. Долгий мир всегда рождает жестокость, трусость и грубый, ожирелый эгоизм, а главное — умственный застой» (с. 118–119) и т. д. Все эти тезисы имели развернутую рецепцию в публицистике Сологуба (особое развитие у него получила идея Достоевского о преобразении войной).

На платформе неославянофильства и панславизма писатель оставался до осени 1916 г.; в августе 1915 г., несмотря на трагическую ситуацию, сложившуюся на Восточном фронте, он продолжал утверждать: «Был свой час истины и величия у Германии, когда ее философия и ее искусство навсегда вошли в сокровищницу всечеловеческой культуры. Слишком быстро истошила Германия свое историческое призвание, и в недобрый для себя срок она вызвала на борьбу с собою еще не явленные миру духовные силы славянства» («До Урала», 25 августа 1915). Тезисы его лекции «Россия в мечтах и ожиданиях» были составлены как будто по В.В. Розанову, напутствовавшему сограждан в начале войны: «(...) ничто так не “относится до войны”, как творения Киреевского, Константина Аксакова, Ив. Серг. Аксакова, Хомякова,

¹ *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. СПб., 1895. Т. 11; хранится в библиотеке ИРЛИ РАН (шифр: 1938-К/2742). См.: *Шаталова Н.Н.* Библиотека Ф. Сологуба: (Материалы к описанию) // *Неизданный Федор Сологуб*. М., 1997. С. 456–457. Далее цитаты из дневника Достоевского приводятся по личному экземпляру Сологуба с указанием страниц. Развернутый перечень помет см.: *Сологуб Ф.* Мистика войны и утопия вечного мира / Вступ. заметка, публ. и примеч. М.М. Павловой // *Русская литература*. 2014. № 3. С. 83–102.

Тютчева, как “Россия и Европа” Н.Я. Данилевского, “Борьба с Западом Страхова,” “Восток, Россия и Славянство” Леонтьева. Идите-ка, добрые люди, по магазинам, да выбирайте эти книжки, и штудируйте по ним ваше завтрашнее “будущее”»¹.

В публицистике Сологуба получили отклик почти все центральные события кампании 1914–1915 гг.: вторжение Германии на территорию нейтральной Бельгии, разрушение города-памятника Лувена и Реймского собора («Мира не будет»); блокада немецким флотом английского побережья («Порог житницы»); потопление у берегов Ирландии американского пассажирского судна «Лузитания» (25 апреля 1915); заседание чрезвычайной следственной комиссии по расследованию нарушений законов войны («Суд людской», 7 мая 1915); вступление в войну Турции и планы вступления в войну Болгарии на стороне Центральных держав («Жаль Болгарию», 1 февраля 1915); вступление в войну Японии на стороне стран Антанты («Японский Гамбург», 29 июня 1915). Он писал о колониальных планах и аппетитах Германии («До Урала»), о политике на Балканах и необходимости утверждения России на Босфоре («Порог житницы», 20 февраля 1915), о применении немецкими и австро-венгерскими войсками запрещенного оружия (некролог «В.А. Мгебров», 3 сентября 1915) и др.

Как авторитетная литературная величина Сологуб в определенном смысле был ангажирован социальным заказом в еженедельниках «Отечество» и «Лукоморье»²; участвовал в газетных кампаниях и опросах: о будущих русско-польских отношениях (13 октября 1914)³, об отмене черты оседлости для еврейского населения («Анкета трех писателей»⁴, январь 1915; а также статьи «Отечество для всех», январь 1915, и «Все вместе», 5 февраля 1915, «Вечный жид», 11 августа 1915⁵), о перспективах союза с Англией («Мировая громада», 28 января 1915), о продолжительности войны («Два пути», 1 октября 1915), о военной литературе («Что читать во время войны», 9 декабря 1914)⁶ и т. п.

Например, на вопрос «Биржевых ведомостей»: «Какая господствующая мысль, какое преобладающее чувство связывается у вас с войной?», обращенный к деятелям культуры и политики в ноябре 1914 г., Сологуб ответил как опытный газетчик, знающий, какие идеи требуется внедрять в сознание масс:

«Миролюбивая, вовсе не воинственная Россия воюет ныне охотно и хочет победить, что с нею не всегда бывает. Во всяком истинном испытании бывает явлен истинный лик народа,

¹ Розанов В.В. Забытые и ныне оправданные: (Поминки по славянофилам) // Розанов В.В. Война 1914 года и русское возрождение. Пг., 1915. С. 70.

² В «Лукоморье» Сологуб начал печататься в 1914 г. (№ 31), последняя публикация состоялась в 1915 г. (№ 41). 30 октября в числе одиннадцати авторов он вышел из журнала и заявил в печати о невозможности дальнейшего участия в этом издании, поскольку оно приняло «нежелательную тенденциозную окраску» («новременскую») (см.: Письмо в редакцию // Бирж. вед. 1915. № 15179 (31 окт.). Утр. вып. С. 5).

³ Сологуб Ф. «О будущих русско-польских отношениях» // Бирж. вед. 1914. № 14430 (13 окт.). Утр. вып. С. 4 (ответ на анкету). Позиция Сологуба по отношению к «польскому вопросу» в годы Первой мировой войны рассматривается в статьях: Мисникевич Т. «Польский вопрос» в лирике и публицистике Федора Сологуба // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII. Тарту, 2011. С. 401–410; Вайсбанд Э. Стихотворение Ф. Сологуба «Братьям»: Польско-еврейская адресация в контексте Первой мировой войны // Политика литературы — поэтика власти. М., 2014. С. 127–146.

⁴ Опубликовано: Отечество. 1915. № 1. С. 2; Бирж. вед. 1915. № 14652 (5 февр.). Утр. вып. С. 3.

⁵ Рус. вед. 1915. № 184 (11 авг.). С. 5; литературный сборник под редакцией Л. Андреева, М. Горького, Ф. Сологуба: Щит. М., 1915. С. 169–170.

⁶ Бирж. вед. 1914. № 14544 (9 дек.). Утр. вып. С. 3.

и мы справедливо можем быть утешены тем явлением народного духа, которое дано нам переживать.

Россия сражается рыцарственно, как страна крестоносная, одушевленная сознанием своей правоты и бескорыстия. Она хочет побеждать, но не мстить. Когда мы услышали о мерзких проявлениях тевтонской злобы над беззащитными русскими в Германии, поднялось много голосов, настаивающих на том, что мы не должны отвечать тем же, что мы перед лицом цивилизованного мира должны выдержать какой-то экзамен гуманности. События показали всю ненужность этих речей: доблестному русскому народу не надо учиться высоким чувствам. На все тевтонские зверства русская негодующая толпа ответила только тем, что сбросила истуканов, нагло воздвигнутых над дикою казармою надменного посольства»¹.

В статьях, затрагивающих вопросы внешней политики, как правило, просматривается авторитетный источник: мнение специалиста или международного обозревателя. Характерный пример — «Мировая громада», появившаяся на страницах «Биржевых ведомостей» вслед за статьей «Англия и Россия» П.Г. Виноградова — историка, профессора Оксфордского университета (Бирж. вед. 1915. № 14612 (15 янв.). Утр. вып. С. 2). Соотнося свой взгляд с авторитетным мнением, Сологуб, однако, старался избирать иной ракурс, с которого подходил к теме; в данном случае отметил точки сближения в национальном характере русских и британцев: «...» при всем несходстве учреждений и обычаев есть многое, что делает для нас Англию более близкою, чем всякое иное западное государство. Более чем всякий другой народ в Европе, англичане очарованы стремлением к мировым просторам. Быть в пределах им тесно и скучно, им надобно приобретать земли, и они умеют удерживать их узами своей крепкой гражданственности. Преодолевать пространства, расточать энергию, — вот свойства, в наибольшей чистоте удержанные от времен былых кочеваний только русскими и англичанами. «...» Достойным для величия русского народа союз с Англией представляется мне потому, что союз этот ведет к объединению народов под знаменем истинной, духовной культуры мистического Востока. Единственные мировые державы — только две, Россия и Англия. Знаменательно то, что эти два государства строят основы своего могущества на землях и племенах религиозного Востока, а не материалистического Запада. Им двум предстоит великая задача объединить в одну мировую громаду миролюбивые и воистину культурные народы Индии, Китая, Японии».

В заметке «Японский Гамбург», по-видимому, явившейся откликом на передовицу из «Утра России» (6 марта 1915) о перспективах союза России с Японией и степени участия восточной союзницы в европейских кампаниях, Сологуб заявил: «...» более деятельное участие Японии в европейской войне весьма приблизило бы эту войну к благополучному окончанию. «...» Для обезврежения прусского милитаризма Гамбург в руках Японии был бы превосходным средством. Овладеть этим городом в эту войну при помощи англо-японского десанта было бы не так уж трудно»². Заметка не была доведена до печати, вероятно, по цензурным соображениям.

Обращения к событиям на фронтах, итогам военных кампаний, как, например, «Скифская стратегия» (18 июня 1915; реакция на Великое отступление), у Сологуба единичны. С полным правом его можно назвать спецкором тыла. В 1915–1916 гг. он исколесил всю страну и имел возможность вплотную познакомиться с проблемами русской «глубинки».

¹ Бирж. вед. 1914. № 14358 (7 нояб.). Утр. вып. С. 3.

² См.: *Ориенталист*. Япония и союз с Россией // *Утро России*. 1915. № 185 (6 июня). С. 1.

Основная тема «тыловых» заметок — призыв к трудовой дисциплине и организации хозяйственного порядка, к развитию народной инициативы и государственного мышления («Путь вверх», 14 мая; «Единственные сыновья», 22 июня; «Под спудом», 28 августа; «Обывательское», 7 сентября 1915; «Война после войны», 13 декабря 1916, и др.). «Не армии сражаются, — писал Сологуб, — вооруженные народы встретились, и взаимно испытывают друг друга. <...> Испытывают людей и порядки, строй жизни и склад своих и чужих характеров и нравов. Вопросом о том, кто такие они, острится вопрос о том, кто же мы сами» («Завоевание правды», 7 апреля 1915).

В публицистике 1914–1917 гг. подчас невозможно провести четкую границу между статьями, имеющими прямое отношение к актуальной проблематике и опосредованное, это разделение весьма условно. В большинстве из них присутствуют приметы военного времени, передана общая атмосфера войны, как, например, в цикле «Парадоксы с пути» (весна 1916) или очерке «От Невских берегов»¹ (29 июня 1917; о разговорах в вагоне поезда пассажиров военных и штатских). В заметке «Снег» речь идет о воспитании здорового поколения (закаливании), однако педагогическая тема подается под знаком времени: «С какой-то ненавистью истребляется снег на улицах наших, сгребается, и поспешно вывозится за город. Словно тевтоны пришли в наш город, и истребляют ненавистный им русский снег. Тот снег, который, может быть, представляется им точным символом великой и загадочной России» (10 февраля 1915)².

Цикл «Парадоксы с пути» состоит из нескольких зарисовок с натуры — из жизни провинции, сделанных весной 1916 г. во время лекционного турне. Эти очерки на первый взгляд не имеют прямого отношения к военной проблематике, однако в свете общего дискурса в прессе о причинах отступления русской армии приобретают злободневный характер.

Лейтмотивом в них проходит тема сравнения европейского и отечественного жизненного устройства; Сологуб останавливается преимущественно на негативных сторонах русского уклада и свойствах национального характера: лени, пьянстве, взяточничестве, казнокрадстве, некультурности и т. д. — «родной стихии» (так озаглавлен один из очерков). В заметке «О презрении ко времени и о презрении вообще» русскому хаосу противопоставлена европейская организованность, деловитость и точность (у них говорят «время — деньги», у нас: «время терпит»). «Господа горожане, обитатели городов, имейте в виду! — заключает писатель, обращаясь к согражданам. — Война идет не только на фронте, она идет повсюду — в канцеляриях министерств, в советах обществ (не исключая и ученых и художественных <...>), за кулисами театров, в редакциях журналов — везде, во всех областях, и не с июля 1914 г., а гораздо раньше начался и идет этот смертный бой честности с плутоватостью, свободы с холопством, таланта с бездарностью, мужества с малодушием, отваги с трусостью мыслей, чувств, традиций и систем»³.

Весь цикл фиксирует ослабление исторического оптимизма относительно будущего России, ее миссии спасительницы Европы от нашествия грубых тевтонов, и разворот в сторону европеизма.

¹ Парадоксы с пути: Сологуб Ф. I. Мы и они. II. О презрении ко времени и о презрении вообще // Бирж. вед. 1916. № 15452 (1 марта). С. 3; *Он же*. Зло добру служит — Там же. № 15563 (17 марта). С. 3; *Он же*. Родная стихия — Там же. № 15464 (26 марта). С. 2; *Он же*. Встречи и недоумения — Там же. № 15482 (4 апр.). С. 3; *Он же*. От Невских берегов — Там же. 1917. № 16308 (29 июня). Утр. вып. С. 2 (совместно с Ан. Чеботаревской).

² Бирж. вед. 1915. № 14662 (10 февр.). Утр. вып.

³ Сологуб Ф. Парадоксы с пути. IV: Родная стихия // Бирж. вед. 1916. № 15464 (26 марта). Утр. вып. С. 2.

Главную задачу литературы и искусства в военное время Сологуб, как и подавляющее большинство современников, видел в поднятии и поддержании у соотечественников духа патриотизма. В статье «Ура!» он выступил в защиту слова «патриотизм», дискредитированного деятельностью национал-шовинистов (Союз русского народа и Союз Михаила Архангела) и ставшего для большей части мыслящего общества синонимом «ура-патриотизма»: «Вдруг бы русский человек в соответствующий момент своей жизни закричал: — Да здравствует Россия! — Представить это никак невозможно, — это была бы не российская действительность, а творимая легенда» («Ура!», 25 июля 1916).

На вопрос анкеты «Биржевых ведомостей» «Что читать во время войны» он ответил:

«Находясь под впечатлением происходящего на театрах войны, общество проявляет усиленный интерес к той литературе, которая может дать пищу настроенному в одном направлении воображению.

Во время войны очень важно сочувствие и единомыслие населения, — в нем источник бодрости и твердости духа армии.

Но не менее существенно и другое, в чем должна заключаться обязанность каждого, оставшегося дома. Это — заботы о сохранении и воссоздании собственной национальной культуры, в освобождении ее от чрезмерного и одностороннего влияния Германии, в развитии производительных и творческих сил страны. Наша армия с полным достоинством и вызывающим всеобщий восторг героизмом делает свое большое и трудное дело. Следя с восхищением за ее подвигами, уверенные в конечной победе, мы все, оставшиеся дома, обязаны создавать спокойный темп жизни, помня, что каждый потерянный час несет ущерб для воссоздания отечественной культуры. Таким спокойным порядком должна распределяться и область литературы и искусств, этими же нормами должно быть регулируемо и чтение среднего интеллигента. Так же, как и в мирное время, должны читаться хорошие книги по литературе, искусствам и наукам.

Создавая условия такой спокойной жизни, общество должно в первую очередь озаботиться и делом воспитания детей. Будущие поколения для продолжения наших культурных задач должны быть, как древние эллины, сильны и физически, и умственно. Нужно предохранять наших детей от хилости и слабонервности. Нужно, чтобы чтение для детей состояло из произведений общегуманитарного, а не узко военного содержания.

Спокойное состояние страны окажет неоценимое благо и в другом направлении, невидимыми токами передавшись тем, которые сражаются на полях брани. Вызвав новый подъем бодрости в стране и в войсках, оно поведет к новым и новым победам: побеждает ведь всегда более здоровый и более бодрый. И вновь приходящие в армию молодые люди, запасные и ратники, пусть явятся в нее бодрыми и спокойными и не внесут в ряды войск духа уныния»¹.

Подобные опросы зачастую предполагали ответы в духе газетной риторики, которой Сологуб не чуждался, полагая ее естественным атрибутом агитационного стиля: «И у наших врагов, и у наших союзников под грозою войны ярко засияли слова и дела, воодушевляющие и ведущие к победе. (...) Габриель д'Аннунцио воодушевляет восторженные толпы, не приученные к преследованию поэтов» («Под спудом», 28 августа 1915).

Мощная патриотическая тенденция объединяет все статьи военного времени, независимо от их проблематики, о чем бы Сологуб ни писал: о переоценке театрального репертуара и массовом закрытии театров и антреприз («Театр кроликов», «Тень трагедии», 1914); гастролях Л. Собинова, концерт которого в Ярославле пыталась сорвать местная администрация, и

¹ Бирж. вед. 1914. № 14544 (9 дек.). Утр. вып. С. 3.

значении русской песни («Бодрая сладость», 30 июня 1915); о мужестве директора театра в Либаве (Лиенае), убитого немцами за постановку пьесы «Культурные звери» («Пропаганда действием», 8 мая 1915); о героическом творчестве поэта «Окровенной Бельгии» Эмиля Верхарна, который «слишком болел муками современности» («Удел поэта», 23 ноября 1916)¹, и Мориса Метерлинка («Любовь и смерть», 24 февраля 1917, «Мятежные музы», 30 мая 1917)², и т. д.

Позднее, в статье «Канун да ладан» (20 марта 1918), писатель заметил: «Когда-то, в начале войны, в стихотворении “Утешение Бельгии” предсказал я, что “будет нашими войсками взят заносчивый Берлин”. Предсказание, что и говорить, неудачное, но почему русские газетчики так радуются неудачливости моей в этом отношении, я, ей-богу, не понимаю. Я верил в мою Россию, я желал ей счастья и славы, — и разве уж это так глупо и смешно?»³.

Примечательно, что реплика Сологуба получила мгновенный резонанс, 23 марта Ив. Калитин писал в «Вечерней почте»: «Помню я первый страшный год войны: помню, как в минуты тяжелых военных неудач расцветала любовь к нашей несчастной родине, которую любить, и говорить об этой любви было зазорным и предосудительным. Тяжкие удары, наносимые нам врагом, разбудили дремавшие сердца и в них ожили скорбь, любовь и сострадание. Несмотря на свинцовые низкие тучи, нависшие над нашей страной, многие пламенно верили, что среди мрака, обступившего нас, блеснет заря новой жизни и нового счастья. Первым из первых, кто стал петь любовь к своей стране, кто говорил о своей вере и надежде на ее прекрасное будущее, был Федор Сологуб. Помню я также, как отовсюду, из всех углов и щелей, повылазили человечки с оплешивевшими душами и опустошенными сердцами и, брызгая слюной ненависти, злопыхательствуя, кривляясь и подмигивая на всех перекрестках, стали выкрикивать обидные слова для тех, в ком жила тревога за родную землю и любовь к ней»⁴.

Главным стержнем публицистической мысли Сологуба была идея преображения, которую он прокламировал как цель и чаемый итог кровопролитий: «Цель этого всенародного подвига была намечена определенно и явственно: преображение» («Держание до конца»).

В годы Первой мировой войны этой теме отдали дань многие писатели, едва ли найдется автор, который обошел ее в своем творчестве. Однако, думается, именно Сологубу здесь по праву принадлежала одна из ведущих партий: пропагандируя идею преображения, он внес весомую лепту в создание образа войны в русской литературе.

В статье «Литература и драма» (1915), обозревая современную военную беллетристику, А.А. Измайлов констатировал: «Большинство наших рассказчиков вменили себе в обязанность теорию, которую бы обосновывали рассказы. Надо всеми иными сейчас господствует одна “умственная” идея — война перерождает. (...) Но почему обязателен этот психологический примитив. Почему ничего более сложное, более оригинальное не приходит в творче-

¹ Бирж. вед. 1916. № 15942 (23 нояб.). Веч. вып. С. 4.

² Бирж. вед. 1917. № 16118 (24 февр.). Утр. вып. С. 3 (совместно с Ан. Чеботаревской).

³ Петроградский голос. 1918. № 38 (20 марта). С. 2. Сологуб участвовал в специальном выпуске газеты «День» от 21 октября 1914 г. (№ 286), посвященной «Героической Бельгии», где было напечатано его стихотворение «Утешение Бельгии». Об этом выпуске газеты см.: Грякалова Н.Ю. Русские писатели — героической Бельгии // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: Политика и поэтика. С. 266–277.

⁴ Калитин Ив. Иванушки-дурочки и Федор Сологуб // Вечерняя почта (Петроград). 1918. № 42 (23 марта). В заглавии заимствовано выражение из статьи Сологуба «Канун да ладан»: иванушками-дурочками он назвал пораженцев.

ские умы беллетристов. (...) Когда Толстой писал “Севастопольские рассказы”, он не ставил перед собой никаких теоритических заданий. Едва ли он хотел показать, как война перерождает людей, какое она зло и так далее»¹ и т. п.

В письме Измайлову от 18 июля 1915 г., отвечая на высказанные им упреки, Сологуб заявил: «(...) самое удручительное — это Ваши слова о том, что мы кому-то хотели угодить патриотизмом². Вы хорошо знаете, что патриотизмом в России угодить никому нельзя, не только левым, но и правым. И почему Вы считаете всех нас такими продажными? (...) Вы отметили, что многие из нас занимаются одною и тою же темою, преобразование людей войной, и что это оттого, что мы очень плохи. А я думаю, это потому, что тема существенная, и обойти ее не приходится. Для всех нас эта война трагична, потому что она поразила в нас нашу влюбленность в германскую культуру и потрясла в нас национальное чувство. Вопросы об отечестве, о государстве, о патриотизме, о путях культурного развития очень болезненно встали в нас и произвели в нас истинное чудо преобразования»³.

Идея преобразования с новой силой актуализировалась в публицистике Сологуба в 1917 г. в связи с общим подъемом, вызванным Февральской революцией; в этот период он написал почти столько же статей и заметок на актуальные темы, как и в первый год войны. Основное содержание его выступлений в печати: призыв к всесторонней поддержке Временного правительства под лозунгом «Война до победного конца!».

К началу 1917 г. писатель подошел с прежней верой в победу русского оружия; в праздничном выпуске «Биржевых ведомостей» он заявил: «Ведь должны же мы победить! Ведь это — кошмар, тяжело навалившийся на грудь, кошмар — одна мысль о том, что мы можем выйти из этой войны раньше нашей победы» («Хочу и верю», 3 января 1917).

Вступление в войну США и гарантированная помощь с их стороны странам Антанты, казалось, давали надежды на благополучный исход европейских баталий. В первые дни Февральской революции Сологуб не переставал агитировать: «(...) мы должны помнить, что великое, воистину вселенское дело, начатое родиною нашею, еще не окончено, трагический подвиг еще не доведен до конца, лютый дракон еще не повержен окончательно, еще долгий и трудный путь перед нами» («Дерзание до конца», 16 марта 1917).

В апреле Сологуб и Чеботаревская обратились к деятелям искусства с воззванием поддержать Временное правительство, устроить день «Займа Свободы», который необходим государству для окончания войны и «для залечивания нанесенных ею ран, для восстановления храмов, жилищ, школ, железных дорог, беспощадно разрушенных неприятелем»; в воззвании говорилось: «(...) художники пусть выявят весь блеск своей фантазии, нарисовав множество разнообразных плакатов, щитов, которыми уберут улицы города, лубочных картин и открыток, которые разойдутся затем по всей стране, заглянут во все глухие деревни

¹ Бирж. вед. 1915. № 14972 (18 июля). Веч. вып. С. 4. В ряду отрицательных примеров критик назвал: «Мое сердце» Б. Лазаревского, «Душа человеческая» В. Ленского, «Пастырь воинский» М. Кузмина, «Война» и «Еврей» М. Арцыбашева, драмы Л. Андреева, а также повесть Сологуба «Острие меча» (сб. «Лукоморье: Военные рассказы». СПб., 1915) и «Проводы: Драматический этюд» (СПб., 1914).

² В статье «Литература и драма» Измайлов заметил: «Так хочется предпочесть простые рассказы на тот же военный сюжет, чаще драматический, иногда юмористический, когда в них никто не перерождается, когда автор никому не собирается патриотически угодить».

³ Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская: Переписка с А.А. Измайловым / Публ. М.М. Павловой // Ежегод. РО Пушкинского Дома. 1995. СПб., 1999. С. 256.

и мужицкие избы. Артисты в красивых, живописных костюмах пусть заполнят улицы столицы, проявив все богатство своей выдумки в оригинальных процессиях и шествиях, группах, летучих концертах и т. п. <...> Писатели и поэты напрягут все свои силы для создания блестящего выпуска однодневной газеты, содержащей стихи, интервью, статьи по поводу Займа Свободы, освещающие всесторонне одушевляющие нас идеи»¹. Из газетных отчетов о проведении праздника следует, что идея была поддержана и программа имела успех.

Однако уже в июне настроение Сологуба меняется, в его выступлениях в печати появляется скепсис по отношению к «самой передовой демократии в мире», возмущение вынужденной отставкой с постов министров Временного правительства А.И. Гучкова и П.Н. Миллюкова, протест против исходящей от Советов пораженческой агитации и «преступно размитингованных солдат».

В статье «Впереди всех» (15 июня 1917), написанной по поводу выдворения из страны пацифиста, лидера Циммервальдского движения Роберта Гримма, Сологуб писал: «Заезжий иностранец может у нас без помехи говорить о том, что русские солдаты во время войны не должны сражаться с товарищами-германцами, но что рабочие во время той же войны должны сражаться с буржуями-капиталистами. <...> Попробовал бы заезжий иностранец произносить подобные речи в Берлине или в Лондоне, в Вене или в Париже, — да его, пожалуй, и слушать бы не стали. А у нас Роберта Гримма слушали да похваливали», и далее: «<...> на путях истории мы оказались впереди всех. Мы всех научим, с нашего Востока воссияет миру свет. Другие должны идти за нами. <...> Но никто за нами не идет. И мы немало удивлены. В чем дело? Германцы не собираются свергать Вильгельма и производить революцию. Американцы намерены воевать со свойственным им чрезвычайным напряжением энергии. Англичане и французы вкладывают в наши лозунги свое собственное понимание и будут воевать до конца, как бы ни вела себя Россия. Германцы открыто пренебрегают нами как противником, с которым не стоит считаться. Союзники начинают смотреть на нас с чувством, далеким от уважения, хотя пока еще довольно снисходительно. <...> Неудобные мы спутники, мы, самая передовая демократия, и когда мы идем, мы поднимаем слишком много нездоровой пыли, которую не хочет вдыхать культурный европеец, хотя бы и социалист».

К концу лета в публицистике Сологуба почти исчезают оптимистические ноты, а вместе с ними и штампы газетной риторики. Он пишет и публикует ряд гневных статей: «Развал», «Умерщвление слов», «Над классами», «Древняя история», «Государственное младенчество», присоединяя свои филиппики к общему протесту против экономического хаоса, деморализации армии, самосудов, дезертирства, разгула бандитизма, отсутствия твердой власти, несостоятельности Временного правительства, пораженческой политики большевиков, бесконечных митингов и заседаний («Вся Россия исходит словотечением», — «Развал», 10 сентября 1917).

Статьи 1917-го — начала 1918 г. отчетливо передают нарастание тревоги за будущее отечества: «Попытка поставить революцию выше России оказалась губительной», — писал Сологуб 8 августа 1917 г. («Над классами»); «Государственная необходимость, стоящая перед Россией, есть необходимость довести войну до такого положения, чтобы можно было выйти из нее без унижения и великого ущерба» («Государственное младенчество», 24 августа 1917); «Чтобы войти в социальный рай, надо, прежде всего, разрушить этот ненужный ад. Что бы ни послала нам судьба, войну или мир, но воскреснем мы только тогда, когда

¹ *Чеботаревская Ан.* К деятелям искусства // Бирж. вед. 1917. 2 мая. Утр. вып.

над нашими классовыми и партийными разделениями поставим немудрую, но вечно живую и животворящую любовь к родине нашей, к земле наших предков, к России» («Солоно», 15 марта 1918). Подлинную любовь к России олицетворял генерал Корнилов: «...только люди его душевного склада для России теперь нужны более чем когда-нибудь» («Прямой человек», 28 апреля 1918).

Последним обобщающим высказыванием Сологуба по итогам Первой мировой войны, вероятно, следует считать философический трактат «Мистика войны и утопия вечного мира» (май 1917–1918). В мае 1917 г. писатель выступал с беседой на ту же тему в художественном обществе «Искусство для всех»¹ (в пользу военнопленных), однако окончательное оформление этот текст, по-видимому, получил незадолго до или вскоре после заключения Брестского мира.

В отличие от близкой по содержанию статьи «Международное братство» (18 марта 1917), трактат остался неопубликованным. Оба текста отличаются от подавляющего большинства статей 1914–1917 гг., принадлежат другому дискурсу: в них почти отсутствуют характерные приметы газетной публицистики (факт, конкретность, злоба сего дня). Сологуб завершает военную тему в своем творчестве обобщениями, настроиваясь на волну Достоевского, следуя за ним в двух своих главных тезисах.

Тезис первый: «Ужасы этой войны переживаются нами без отчаяния только потому, что мы все верим в светлое будущее, и что мы верим в его близкое наступление. Верим, что великая мировая война вскроет все злые, порочные несовершенства современного быта, раскалит души людей в пламени трагических и героических переживаний и этим приблизит осуществление великолепной мечты о золотом веке человеческой истории».

Тезис второй: ««...» совершенное торжество идеи о братстве людей не осуществимо при современном строе общества, при том строе, когда все отношения между людьми строятся на почве территориальных разделений. Доколе власть в мире принадлежит территориальным установлениям, до тех пор общность людей всегда будет подвергаться серьезным опасностям и ограничениям. На всякое, хотя бы и самое благожелательное, вмешательство может последовать ответ:

— Мы лучше знаем наши местные условия. В пределах нашей земли мы — хозяева, и сами устроим свои дела. Вмешательства в наши внутренние дела мы не допустим» («Международное братство»).

Эти мысли получили дальнейшее развитие в «Мистике войны и утопии вечного мира». Однако в новом историческом контексте — в период выхода России из войны мировой (через сепаратный мир с Германией) и начала войны Гражданской — они звучали еще более пессимистично. Мечты о вечном мире и международном братстве отождествляются писателем с социальной утопией: «Пока люди остаются такими, какими мы их знаем, с их человеческими страстями и с их потребностями, всегда будет вспыхивать в их сердцах злоба и жажда взаимного истребления»; для достижения идеального вечного мира необходимо чудо преображения, а оно произойдет не «на путях истории».

К теме социальной утопии в период политических катаклизмов 1917–1918 гг. Сологуб обращался не раз. Скептический прогноз относительно общественного строя, в котором станет возможен «вечный мир» и «международное братство», прозвучал также в его сати-

¹ Сообщение см.: Бирж. вед. 1917. № 16229 (12 мая). Утр. вып.

рическом памфлете «Богдыхан. Эпизоды из романа, который может быть написан» (1918)¹. Неслучайно во вступлении к этому сочинению, пародирующему установившийся в стране советский режим, Сологуб еще раз вспомнил все названные в «Мистике войны...» утопические произведения мировой литературы — от «Города Солнца» Т. Кампанеллы и «Утопии» Т. Мора вплоть до романов Г. Уэллса и А. Богданова². Очевидно, события Первой мировой войны еще более укрепили взгляд писателя на человеческую природу и общество, получивший наивысшее художественное выражение в романе «Мелкий бес» (1907).

¹ «Богдыхан» — аналог утраченного «контрреволюционного» текста Сологуба «Китайская республика равных», послужившего со стороны Политбюро причиной отказа писателю и его жене в выезде за границу. См.: Сологуб Ф. Богдыхан: Эпизоды из романа, который может быть написан / Публ. М.М. Павловой // Ежегод. РО Пушкинского Дома. 2007–2008. СПб., 2010. С. 528–542.

² Там же. С. 537.